Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/LXMBHI
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

«ВСЕ ТРУЖДАЮЩИЕСЯ И ОБРЕМЕНЕННЫЕ»: ТОПИКА ТРУДА В ПОНЯТИЙНОЙ СИСТЕМЕ А. ПЛАТОНОВА

© 2025 г. М.А. Дмитровская
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия
Дата поступления статьи: 19 ноября 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 20 декабря 2024 г.
Дата публикации: 25 марта 2025 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-84-101

Аннотация: Статья посвящена исследованию места топики труда в понятийной системе Андрея Платонова. Исследование строится на сопоставительном анализе романа «Чевенгур» (1927–1930) и повести «Котлован» (1930) с привлечением других произведений писателя. Начальной точкой реконструкции является фраза (Мф. 11: 28) «Приидите ко мне все труждающиеся и обремененные и аз упокою вы», которая присутствует в романе «Чевенгур». Рассмотрены пять трансформаций, основывающихся на переосмыслении трех ключевых слов базовой евангельской фразы: труждающиеся, обремененные и упокою (покой). Выделенные понятия труда как земляных работ (рытья могил), обременения как беременности и покоя как смерти устанавливают изоморфизм евангельской фразы трем последствиям грехопадения Адамы и Евы. Этим демонстрируется одновременное присутствие соответствующих понятийных областей Нового и Ветхого Завета в системе Платонова, что иконически отражает постоянные взаимные переходы от ветхого (старого, умирающего) к новому (молодому, рождающемуся) в текстах писателя. Описанная понятийная система лежит в основе всех произведений Платонова.

Ключевые слова: Андрей Платонов, понятийная система, трансформация, понятие труда, «Чевенгур», «Котлован», Мф. 11: 28, языковая игра.

Информация об авторе: Мария Алексеевна Дмитровская — доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, ул. Александра Невского, д. 14, 236041 г. Калининград, Россия.
https://orcid.org/0000-0001-9015-4756

E-mail: dmitrovskayama@yandex.ru

Для цитирования: *Дмитровская М.А.* «Все труждающиеся и обремененные»: топика труда в понятийной системе А. Платонова // Studia Litterarum. 2025. Т. 10, № 1. С. 84–101. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-84-101

Studia Litterarum,
vol. 10, no. 1, 2025

"ALL YE THAT LABOUR AND ARE HEAVY LADEN": THE TOPIC OF LABOR IN A. PLATONOV'S CONCEPTUAL SYSTEM

© 2025. Maria A. Dmitrovskaya
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia
Received: November 19, 2024
Approved after reviewing: December 20, 2024
Date of publication: March 25, 2025

Abstract: The article is devoted to the study of the topic of labor in the conceptual system of Andrei Platonov. The study is based on a comparative analysis of the novel *Chevengur* (1927–1930) and *The Foundation Pit* (1930) along with other works by the writer. The starting point of the reconstruction is the phrase "Come unto me, all ye that labour and are heavy laden, and I will give you rest" (Matthew 11: 28) in the novel *Chevengur*. The article considers five transformations, based on the rethinking of three key words of the basic gospel phrase: truzhdayushchiesia (those that labour), obmenennyie (those that are heavy laden), and upokoiu (pokoi) (rest / peace). The highlighted concepts of labor as earthworks (digging graves), burden as pregnancy, and rest as death establish the isomorphism of the gospel phrase to the three consequences of Adam and Eve's fall. This demonstrates the simultaneous presence of the corresponding conceptual areas of the New and Old Testaments in Platonov's system, which iconically reflects the constant mutual transitions from the old (dying) to the new (young, being born) in the writer's texts. The described conceptual system underlies all of Platonov's works.

Keywords: Andrei Platonov, conceptual system, concept of labor, *Chevengur*, *The Foundation Pit*, Matthew 11: 28, language game.

Information about the author: Maria A. Dmitrovskaya, DSc in Philology, Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Alexander Nevsky St., 14, 236041 Kaliningrad, Russia. https://orcid.org/0000-0001-9015-4756

E-mail: dmitrovskayama@yandex.ru

For citation: Dmitrovskaya, M.A. "'All ye that Labor and Are Heavy Laden': The Topic of Labor in A. Platonov's Conceptual System." *Studia Litterarum*, vol. 10, no. 1, 2025, pp. 84–101. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-84-101 (In Russ.)

К 125-летию со дня рождения А. Платонова

Земляная работа трудная.
Словарь В. Даля

Топика труда у А. Платонова обнаруживает тесное взаимодействие с рядом других понятийных областей. Целью настоящей статьи является рассмотрение этих связей и описание сформированной ими части понятийной системы писателя. Будут описаны источники системы, приемы ее генерации и устройства, а также способы развертывания в ряде произведений, главным образом в романе «Чевенгур» (1927–1929) и повести «Котлован» (1930), объединенных последовательностью написания, но в отношении топики труда кажущихся совершенно различными: в утопическом Чевенгуре труд отменен, в то время как котлован является местом непрекращающейся работы землекопов. Однако именно установление единства понятийной системы Платонова поможет определить, в чем заключается их семантическая общность.

Стартовой в реконструкции является фраза из Евангелия от Матфея (Мф. 11: 28), отсутствующая у других евангелистов. Ее в романе «Чевенгур» видит Копенкин: «“*Приидите ко мне все труждающиеся и обремененные и аз упокою вы*” — написано было дугой над входом в церковь» [10, т. 3, с. 176][1]. Эта надпись представляет собой контаминацию фрагментов Евангелия на церковнославянском языке и Синодального перевода (ц.-слав. «вси труждa-

1 Здесь и далее курсив во всех цитатах, если не указано иначе, везде наш. — *М.Д.*

ющиися и обремененнии»)[2]. Эти слова Христа являются приглашением прийти к нему в духовном смысле. Под *труждающимися* подразумеваются те, кто терпит скорбь и обременен грехами, законом Моисея, скорбями и искушениями жизни. Это понимание полностью соответствует продолжению фрагмента (Мф. 11: 29–30) и поддерживается семантикой ключевых слов. Греч. Κοπιώντες (sg. κοπιάται) 'труждающиеся' является субстантивированной формой активного причастия наст. вр. от глагола κοπιάω, в первом значении 'утомляться, уставать' и только во втором — 'тяжело трудиться'. Сам глагол производен от κόπτω 'ударять, бить'. Близкая многозначность и в слове *труждающиеся*: слова *трудъ, трудити(ся), труждати(ся)* в древнерусском языке в первом значении имели отношение к мучению, страданию и только во втором — к работе [11, с. 190–197, 201–206]. Слова *обремененные* и *упокою* в призыве Христа имеют, соответственно, отношение к душевной тяжести и покою. Точное представление об изначальной семантике рассматриваемого фрагмента дает молитва из чина елеосвящения (соборования), где имеет место его абсорбция. При этом все ключевые слова введены в контекст моления об избавлении от грехов и обременения беззакониями: «Сего ради *грехи* юности нашея не помяни Господи, Ты бо еси надежда ненадеющихся, и *упокоение труждающихся и обремененных в беззакониих...*» [13, с. 200].

Понятийная система Платонова генерируется на основе ряда трансформаций указанной евангельской фразы, основывающихся на различных способах переосмысления ключевых слов. Такого рода описание выстраивает последовательность смыслов линейно (сукцессивно), но в системе и ее текстовом развертывании все смыслы присутствуют симультанно, чем обеспечивается их одновременное участие, «мерцание» и перетекание друг в друга.

Трансформация 1. Сначала у слова *труждающиеся* активизируется значение 'те, кто тяжело трудятся', а слово *обремененные* усиливает это значение тем, что делает акцент на физической тяжести. В этом случае *упокоить* выступает в значении 'дать отдых'. Именно на это направлена отмена труда в Чевенгуре. При этом покой как отдых должен повлечь за собой покой как состояние души.

2 Здесь и далее цитаты на церковнославянском языке даются русским гражданским шрифтом. — *М.Д.*

В.С. Варшавский, Х. Гюнтер и С.Г. Семенова считают отказ от труда в Чевенгуре логическим следствием средневекового хилиазма как источника чевенгурской утопии [1, с. 129–158; 2, с. 5, 14–18; 6, с. 41], в то время как М.Н. Золотоносов видит корни в народных сказочных представлениях об «ином царстве» с его возобновляющимся изобилием [4, с. 249]; С.Г. Семенова говорит также, что «чевенгурские псевдохристиане коммунизма» «наивно-буквально пытаются <...> следовать евангельским примерам *птиц небесных и лилий полевых, не сеять, не жать...*» (курсив в тексте. — *М.Д.*) [6, с. 41]. Однако следует заметить, что именно посещение Копенкиным храма-ревкома дает в романе первое значимое «сгущение» темы отмены труда и его замены работой солнца. Копенкин заставляет встреченного прохожего бежать впереди и показывать дорогу в совет. Проводник объявляет, «что в Чевенгуре человек не трудится и не бегает, а все налоги и повинности несет солнце», и вводит тему покоя: «У нас, товарищ, тут *покой человеку*: спешили одни буржуи, им жрать и угнетать надо было. А мы кушаем да дружим...» [10, т. 3, с. 175]. Далее Копенкин видит евангельскую фразу и задумывается о собственном покое. Это актуализирует связь понятия покоя с евангельским речением. Далее совмещаются взаимоисключающие стратегии: знание, что труд в Чевенгуре отменен, соседствует с описанием происходящего как раздумья идеологов над принятием решения об этом. Тем самым линейное время превращается в циклическое, что соответствует пространственным перемещениям героев.

В церкви на заседании ревкома Прокофий Дванов внушает Чепурному мысль о ненужности труда, поскольку на всех должно хватить работы солнца. Тот чувствует недостаточность этой аргументации, но не в состоянии облечь свои ощущения в слова. Копенкин на месте пишет письмо Саше Дванову с приглашением приехать в Чевенгур и отмечает: «Работает тут одно летнее солнце, а люди лишь только нелюбовно дружат...» [10, т. 3, с. 178]. Желая все обдумать, Чепурный вместе с Копенкиным выходит из церкви, где тот показывает ему надпись на храме и предлагает «перемазать» ее «по-советски». Это повторное упоминание надписи: герои описывают круг и возвращаются в точку входа. Чепурный отвечает, что «некому фразу выдумать» — Прокофий ее «не осилит», — и возражает Копенкину: «...чем тебе та фраза не мила — целиком против капитализма говорит...» [10, т. 3, с. 179]. Таким образом, Чепурный видит возможность решить проблему

труда, придав евангельскому речению политический смысл. О перемещениях героев больше не сообщается, но они явно выходят в город, тем самым продолжая свое возвратное движение. Далее говорится о людях на улицах Чевенгура, днем переносивших сады и передвигавших дома, а сейчас идущих отдыхать. Повествователь комментирует: «Завтра у них труда и занятий уже не будет, потому что в Чевенгуре за всех и для каждого работало единственное солнце, объявленное в Чевенгуре всемирным пролетарием. Занятия же людей были не обязательными» [10, т. 3, с. 180], — и поясняет, что это толкование сделано Прокофием по наущению Чепурного. В этом объяснении соединены аргумент Прокофия и внушенные «говорящей против капитализма» евангельской фразой ощущения Чепурного, что трудящимся должен быть дан покой.

Рефлексия Копенкина над «неправильностью» евангельской фразы идет также по линии противопоставления личности и класса (массы, коллектива): «Да нет, никогда ты людей не успокоишь: ты же не класс, а личность» [10, т. 3, с. 176]. Эту мысль он развивает в разговоре с Чепурным. Однако отрицание Копенкиным роли Христа в пользу пролетарской массы служит иллюстрацией общности конечной цели обеих установок. Сам Платонов в ранней статье «Поэзия рабочих и крестьян» (1920) указывал на их тождественность:

> Моя радость — в радости всех. Вот что тайно пока шевелится в груди русского коммунистического народа. Человек вырос из себя, из личности, понял ничтожество и убогость одного отделенного человека, идет к единению со всеми, к окончательному слиянию всех людей как бы в одно существо. Это и есть коммунизм. <...> Все стремится на земле слиться, познать, полюбить. Дух единения и сближения живет в каждом дыхании — дух любви, за который мучился Христос и который называл Богом [10, т. 1 (2), с. 88].

Духу сближения служит и трансформация труда в Чевенгуре. Вразрез с декларируемым отказом от труда труд в нем присутствует, но в виде производства абсолютно ненужных вещей. Пониманию происходящего служат слова Луя, рано покинувшего Чевенгур в пользу странствия: «...Луй жалел, что много домов и веществ на свете, не хватает только тех самых, которые обозначают содружество людей» [10, т. 3, с. 183]. Производимые предметы

являются средством выражения чувства к выбранному товарищу. К концу романа труд становится целесообразным. Х. Гюнтер полагает, что в отношении труда (экономики) в первой части романа и в чевенгурской утопии действуют противонаправленные векторы: «В то время как Захар Павлович делает шаг от кустарного труда к машине, чевенгурцы занимаются производством гротескных и ненужных изделий. О паровозе, символе технического века, они даже не вспоминают» [3, с. 65]. Мы считаем, что вектор в обоих случаях общий: он поддерживает топику вечного возвращения. Кроме того, чевенгурские проекты Гопнера и Саши Дванова технологичны и включают даже строительство плотины на ручье для орошения балки, чтобы обеспечить в будущем урожайность овощей и злаков. Чевенгур гибнет под ударами «*машинального* врага» [10, т. 3, с. 338] совершенно так же, как гибнет в первой части романа («Происхождение мастера») *машинист*-наставник — от неосторожности при перегонке «холодного паровоза», названного также «прицепной *машиной*» [10, т. 3, с. 46]. Смерть Саши Дванова только внешне кажется отличной от смерти остальных чевенгурцев. На самом деле она является повторением и смерти его отца, рыбака Дванова, и повторяет описание умирания мастера-наставника как обратного рождения — возвращения в лоно матери и погружения в утробные воды. Кольцевая композиция романа получает свое внешнее выражение в возвращении Дванова домой на озеро Мутево. Это его «детская родина». Но возвращение в материнские воды происходит у каждого умершего. «Детские ро́дины» есть не что иное, как «детские роди́ны» (*роди́ны* — устар. ‘роды’). Разгадка тайны смерти заключается в тайне рождения. Для умирающего мастера-наставника это буквально *дело техники*: «— Плачет чего-то, а Гараська опять, скотина, *котел сжег*... Ну, чего плачет? Нового человека соберись и *сделай*...» [10, т. 3, с. 45].

В контексте проблематики труда в «Чевенгуре» необходимо обратить внимание на очерк Платонова «Че-Че-О» (1928), где в воззрениях Федора Федоровича, «рабочего-ветерана железнодорожных мастерских» [10, т. 4 (2), с. 330], «философа» и «иносказателя», соединены позитивный взгляд на созидательный труд у мастера-наставника из «Чевенгура» и примат дружбы у чевенгурцев: «Первостепенно надо: делать вещи, покорять природу и — самое главное — искать дороги друг к другу. Дружество — и есть коммунизм. Он есть как бы напряженное сочувствие между людьми» [10, т. 4 (2), с. 338]. Далее для аргументации используется евангельское ре-

чение: «*Трудовой человек* должен *напряженно сочувствовать другому обремененному*. Надо *уважать человека*. Это самое главное. Тогда и *труд будем уважать*» [10, т. 4 (2), с. 342]. Здесь *труждающиеся* заменены на *трудового человека*, а *обремененные* на *обремененного*, вместо множественного числа употребляется единственное. В «массе» при этом выделены *личности*: тогда будет «мне и тебе *отлично*», — говорит Федор Федорович, явно делая упор на этимологическое значение слова. То, чему противился Копенкин, — личностное начало Христа — распространяется на каждого. Это и даст искомый покой. Таков тайный нерв упований Федора Федоровича, это же учтено и в усилиях чевенгурцев.

Трансформация 2. Слово *труждающиеся* в церковном употреблении имеет также специфицированное значение, являющееся семантической калькой возникшего значения у греч. κοπιώντες (sg. κοπιάται) 'труждающиеся', служащего для передачи поздн.-лат. *fossores* (sg. *fossor*). Так в Риме в период раннего христианства назывались могильщики (фоссоры, в греч. копиаты), с IV в. клирики, занимавшиеся погребением людей [7, с. 154–155]. Это значение было приращено к лат. *fossor* 'землекоп', 'рудокоп', образованному от основы супина глагола *fodio* 'копать, рыть', 'добывать из земли'. Эти слова точно описывают характер работы труждающихся, предполагающей и рытье, и извлечение породы: захоронения христиан велись в Риме в катакомбах. Слово *труждающийся* в отмеченном значении фиксируется в словаре В. Даля: «црк. обрекший себя на погребенье усопших, скудельник» [9, т. 4, с. 852].

Вследствие этого семантического перехода занятия *труждающихся* / *трудящихся* в системе Платонова неизбежно будут связаны с земляными / земельными работами, влекущими нарушение целостности верхнего слоя земли, в которых обязательно будет присутствовать могильная семантика. Если она выходит на первый план, то остальные виды работ, связанных с землей, будут выстраиваться вокруг нее. Все вместе они образуют единое поле.

Понимание *труждающихся / трудящихся* как могильщиков влечет переосмысление слова *упокоить* как имеющего отношение к смерти, ср. *покойник, покойный, покойницкая, покоиться с миром. Вечный покой* — это покой души, который достигается только со смертью; ср. также молитвы и поминовение за здравие и *за упокой*. Одновременно *покой* — анаграмма слова *копай*, что возвращает все к соответствующим видам труда.

В зоне описываемой трансформации базовой евангельской фразы находится повесть «Котлован»: землекопы *обременены тяжелым трудом*, истощены, не чувствуют себя от непреходящей усталости, ср.: «Вощев, как и раньше, не чувствовал истины жизни, но смирился *от истощения тяжелым грунтом*» [10, т. 4 (1), с. 99], где *тяжелый грунт* метонимически связан с *тяжелым трудом*. Связь слова *трудный* с физической тяжестью фиксируется в словаре Даля: «тяжкий, удручающий; <…> отягченный» [9, т. 4, с. 852]. Обещанный покой через труд трансформируется в смерть: «...*Так могилы роют, а не дома*», — говорит Чиклин [10, т. 4 (1), с. 79]. В конце повести котлован становится могилой для девочки Насти. Рабочие на котловане — (гробо)копатели. Здесь показательна многозначность лат. *fosso* (однокоренного с *fossor*) — 'яма' и 'могила'.

В романе «Чевенгур» по сравнению с «Котлованом» иная последовательность активации смыслов. В первой части романа явным гробокопателем выступает мальчик Саша Дванов, которого его приемный отец Прохор Абрамович отправляет в город побираться. Путь лежит через кладбище, где похоронен отец Саши. В описании кладбища сопряжены «*покой*» «*умерших листьев*» и «*покойные*», над которыми стоят «крестьянские кресты» [10, т. 3, с. 23]. Мальчик хочет вернуться к отцу. Он формулирует два противоположных намерения: «...я скоро *умру к тебе*», зарывает в листья на могиле свой посошок и решает, что, когда вернется, «он *выроет себе землянку* рядом *с могилой* отца и будет *там жить*, раз у него *нету дома*» [10, т. 3, с. 23]. Так дубль могилы превращается в землянку, а «умру к тебе» в желание «там жить». Дальше эти позиции раздваиваются между двумя братьями.

Возвратившись из города, Саша заболевает, а выздоровев, приступает к исполнению своего намерения. Прошка два раза ходит за ним. В описании повествователь учитывает точку зрения наблюдателя и называет то, что роет Саша, могилой: «Он увидел, что сирота сам себе руками *роет могилу*, и не может вырыть глубоко» [10, т. 3, с. 25]. Тогда Прошка совершает то, что делает Сашу труждающимся в узком смысле (копающим могилу копиатом), — он приносит лопату: «Саша брал лопату, но она была ему не под рост, и он скоро слабел от работы» [10, т. 3, с. 25]. Прошка буквально хоронит Сашу в могиле: «*Широко не рой — гроб покупать не на что, так ляжешь*» [10, т. 3, с. 25], в то время как сам Саша, повторяя свое молчаливое намерение, говорит о будущей жизни в землянке: «Я *землянку вырою* и буду

тут жить» [10, т. 3, с. 25]. Сам же Саша позиционирует себя труждающимся в широком смысле — он роет землю. Кроме того, он претерпевает многочисленные обременения — физически и морально страдает, когда его выгоняют побираться, болеет, слабнет от рытья землянки. Покой здесь двоится: Прошка видит Сашу *покойником*, но сам Саша желает обрести *покой дома* рядом с отцом.

Рассмотренная кладбищенско-могильная топика находит соответствие в чевенгурских главах романа, где личностное звучание темы прирастает «массовым». Начнем с того, что церковь, в которую въезжает Копенкин, — кладбищенская. Об этом сообщается в начале фрагмента:

> Копенкин медленно прочитал громадную малиновую вывеску *над воротами кладбища.* «Совет социального человечества Чевенгурского освобожденного района».
>
> Сам же совет помещался в церкви. Копенкин проехал *по кладбищенской дорожке* к паперти храма [10, т. 3, с. 175].

Вывеска над воротами кладбища и надпись над входом в церковь образуют своеобразную двойчатку. Место чевенгурского совета — кладбище, вследствие чего обещание покоя над входом в кладбищенскую церковь обретает мортальный смысл. Кладбищенская «на новый лад» топика развертывается через тринадцать страниц текста, когда речь идет о могиле расстрелянных буржуев. Ее местонахождение привязано к кладбищу и ревкому, но не совпадает с ними:

> *Близ кладбища*, где помещался ревком, находился *длинный провал осевшей земли.*
>
> — Буржуи лежат, — сказал Пиюся. <...>
>
> Копенкин с удовлетворением попробовал ногой *осевшую почву могилы* [10, т. 3, с. 188].

Таким образом, «длинный провал осевшей земли», «осевшая почва могилы» продолжают свидетельствовать об изначально вырытой яме. О расстреле и процессе захоронения рассказывается еще через семь страниц, что свидетельствует о продолжающемся в романе смещении времен-

ны́х пластов. В описании есть значимая лакуна. Так, говорится о «подготовке общей могилы», «земляных работах», сваливании «в яму всех мертвецов»; «...чекисты, во избежание холма, разбросали лишнюю землю на освещенной зарею пустой площади, а затем воткнули лопаты и закурили» [10, т. 3, с. 195]. При этом, в отличие от описания трудов мальчика Саши Дванова, ничего не сказано о том, как, собственно, они копают могилу. Тот же минус-прием используется Платоновым и при рассказе о переноске садов и домов: не показано, как для них роют ямы на новом месте. Однако описание их «корчевания» вводит дополнительный мерцающий смысл возделывания земли:

> ...нижние венцы домов, положенные без фундамента, уже дали *свое корневое прорастание в глубокую почву*. Поэтому городская площадь — после передвижки домов при Чепурном и социализме — *похожа была на пахоту*: деревянные дома пролетарии *рвали с корнем и корни волокли не считаясь* [10, т. 3, с. 219].

В романе есть еще один кладбищенский эпизод. Для задуманной оросительной плотины на ручье нужны шпунтовые сваи, для которых

> ...Дванов с Гопнером до вечера искали сухое дерево, пока не дошли до старого буржуазного кладбища, очутившегося уже вне Чевенгура благодаря сплочению города в тесноту от переноски домов на субботниках; на кладбище богатые семейства ставили высокие дубовые кресты по своей усопшей родне, и кресты стояли десятки лет над могилами, как деревянное бессмертие умерших. Эти кресты Гопнер нашел годными для шпунта, если снять с них перекладины и головки Иисуса Христа [10, т. 3, с. 293–294].

Здесь фигура умолчания создает неопределенность. Непонятно, является ли кладбище третьим по счету или же оно совпадает с первым, «ревкомовским», на территории которого расположена церковь с евангельским призывом. Однако то, что кресты стоят «как деревянное бессмертие умерших», и упоминание на них «головок Иисуса Христа» создают необходимое семантическое соответствие. Другая смысловая связь формируется за счет того, что кладбище названо «старым буржуазным»: это связывает его

с недавним захоронением расстрелянных буржуев. Поздно вечером восемь чевенгурцев начинают «корчевать кресты» [10, т. 3, с. 294], потом к ним присоединяется Чепурный «в помощь уже *трудившимся*» [10, т. 3, с. 294]. Пришедшие на кладбище цыганки говорят: «...вы могилы роете» [10, т. 3, с. 294]. Это выражение соответствует рытью новых могил (хотя на самом деле речь идет только о корчевании крестов), что возвращает нас к захоронению расстрелянных буржуев в общей могиле. Здесь же могила роется для каждого, но уже для будущих новых насельников кладбища. Между буржуями и чевенгурскими пролетариями нет разницы с точки зрения этимологии слова *буржуа* — от фр. *bourgeois* ‘горожанин’. Новые жители города должны лечь в могилы / могилу старой буржуазии. Такая интерпретация поддерживается песней Пиюси в другом месте романа:

Давно пора нам смерть встречать —
Ведь стыдно жить и грустно умирать. <...>

Но мать сказала мне: постой,
Вперед врага в могиле упокой
А сверху сам ложись... [10, т. 3, с. 327–328]

Новые чевенгурцы присоединятся к расстрелянным буржуям (тоже становящимся, таким образом, «старыми») в общем захоронении, которое есть не просто «адово дно коммунизма» [10, т. 3, с. 208], но место, где все они, включая вернувшегося на озеро Мутево Сашу Дванова, становятся «за–О–дно», что воплощает бесконечность времени как повторение круга. Новое и старое отождествляется в ряду превращений. Чевенгурские пролетарии являются (в соответствии с «Манифестом коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса) *могильщиками буржуазии*, а следовательно, труждающимися (копиатами, фоссорами). Но, *роя могилу другим*, они одновременно роют ее и себе и, в полном соответствии с библейским фразеологизмом, сами в нее попадают.

Трансформация 3. Расширение возможностей для передачи диффузной семантики покоя и смерти происходит у Платонова в том числе за счет привлечения взаимопроникающей семантики смерти и сна, присутствующей в языке в таких номинациях, как *усопший, успение, уснуть навсегда,*

спать вечным сном, усыпальница. Вечный сон / покой принадлежат к понятийной области смерти. Этимологически родственное слову *покой* слово *почить* тоже развивает подобную многозначность: помимо значения ‘отдыхать’, слово значит также ‘уснуть’ и ‘умереть’. Показательно описание уснувшего Саши Дванова в романе «Чевенгур»: «Дванов перешел на кровать и *уснул навзничь*. <…> Сербинов глядел на *спящего* Дванова, на его *изменившееся лицо от закрывшихся глаз* и на *вытянутые ноги в мертвом покое*» [10, т. 3, с. 317–318]. Здесь спящий представлен как покойник. Он лежит на спине: нестандартное сочетание «*уснул навзничь*» представляет собой стяженную форму выражения *уснуть, лежа навзничь*; при этом одновременно повышается градус внезапности и катастрофичности события, ср. *упасть (опрокинуться) навзничь*. Тело вытянуто — это метонимически показано через «вытянутые ноги» (ср. *протянуть ноги* — ‘умереть’), «*мертвый покой*» которых служит характеристикой всего человека целиком. Лицо Дванова изменилось «*от закрывшихся глаз*». Описание лежащего с закрытыми глазами Саши дано глазами Сербинова, который *глядит* на него. Признак зрения и его отсутствия проводит границу между живыми и мертвыми [5, с. 60–61, 66–67].

В повести «Котлован» акцент неоднократно делается на сне землекопов. Это первое, с чем сталкивается пришедший на котлован Вощев. Спящие описаны как мертвецы, при этом ряд их портретных характеристик совпадает с отмеченными выше у спящего Дванова:

> Все спящие были худы, *как умершие* <…> *спящий лежал замертво, глубоко и печально скрылись его глаза, и охладевшие ноги беспомощно вытянулись в старых рабочих штанах.* <…> …Каждый существовал без всякого излишка жизни… [10, т. 4 (1), с. 76].

Обратимся к другому фрагменту повести «Котлован»:

> Разные *сны* представляются *трудящемуся* по ночам — одни выражают *исполненную надежду*, другие *предчувствуют собственный гроб в глинистой могиле*; но дневное время проживается одинаковым, *сгорбленным* способом — *терпеньем тела, роющего землю*… [10, т. 4 (1), с. 99].

Это описание строится на буквализации лежащих в основе скрытых выражений *мертвый покой* и *мертвый сон*, *спать как мертвый*, *глубокий сон* и *тяжелый сон*. Ночные сны землекопов о «собственном гробе в глинистой могиле» изоморфны их дневному бытию-в-смерти — погружению в выкапываемый ими же котлован как в могилу. Их существование «*сгорбленным* способом» с учетом анаграммы *горб — гроб*, является *загробным*.

Трансформация 4. Следующая трансформация базовой евангельской фразы (Мф. 11: 28) основана на игровом переосмыслении слова *обремененные*. Исходное значение ц.-слав. *бремя*, русск. *беремя* — «бремя, тяжесть, ноша» [9, т. 1, с. 204]. Это значение легло в основу слов *(за)беременеть, беременная, беременность*. Беременность описывают и другие слова и выражения со значением (переноса) тяжести: *с ношею, понести* [9, т. 1, с. 204], *затяжелеть, (вы)носить ребенка*. Слову *тяжесть* этимологически родственно слово *тягость*. Оно и его производные тоже могут использоваться для описания беременности: «Тяжелая, о женщине, и животных в тягости, в тяжести, беременная»; «Тягость, вост. беременность. Она в тягости»; «Она тягостна, беременна» [9, т. 4, с. 961]. Муки, которые испытывает рожающая женщина, связывали ее с представлением о труде: «Родильница в труде, в трудах» [9, т. 4, с. 853]. Эту семантику можно рассматривать как частный случай присутствующего в истории русского языка представления о труде как болезни [11, с. 193, 198–199; 9, т. 4, с. 853].

Поддержку интерпретации обремененных как беременных в базовой евангельской фразе обеспечивает и переосмысление молений в сугубой ектинии: «Еще молимся, *о плодоносящих* и добродеющих во святем и всечестнем храме сем, *труждающихся*, поющих и предстоящих людех, ожидающих от Тебе великия и богатыя милости» [12, с. 145; и др.]. Под труждающимися здесь понимаются могильщики, а под плодоносящими (вопреки естественному желанию усмотреть здесь приносящих начатки овощей и фруктов) — те, кто своими заботами обеспечивают процветание церкви [8, с. 63]. В современной околоцерковной литературе встречаются пояснения, что под плодоносящими не следует понимать беременных, — но это именно тот смысл, который педалируется Платоновым.

Беременность и роды в произведениях Платонова часто связаны со слабостью, болезнью или смертью (родившая Мавра Фетисовна Дванова, а также Роза Люксембург в видениях Копенкина в «Чевенгуре» [10, т. 3,

с. 21, 139–140], мать в рассказе «Семен», 1936). В повести «Ямская слобода» (1927) о родившей женщине читаем: «Бледная, омертвевшая хозяйка лежала на деревянной кровати...» [10, т. 2, с. 227].

К рассматриваемой теме примыкает повторяющийся у Платонова мотив смерти ребенка («Лунные изыскания (Рассказ о “кирпиче”)», 1926, «Чевенгур», «Котлован», «Счастливая Москва», 1932–1936). Особой значимостью обладает освещение этой темы в пьесе «Дураки на периферии» (1928), сюжет которой вращается вокруг беременности Марьи Ивановны Башмаковой, запрещении сделать аборт со стороны комиссии охматмлада («Охраны материнства и младенчества») и появления на свет ребенка с неустановленным отцовством. «От греха» Башмакову саму предлагают «кооптировать» в комиссию. Она говорит: «Вот я и буду с вами жить как матка, а *учетного пса и прочих служа́щих и обремененных сюда не пускать*» [10, т. 4 (2), с. 182] — и указывает положить сына «на престол», который есть не что иное, как конторка. Башмакова с ребенком начинает жить в учреждении. В конце пьесы по неизвестной причине младенец умирает. Переформулировка Башмаковой базового евангельского выражения создает гротескную картину функционирования бюрократической организации, подменившей собой церковь. Взамен исходного призыва «приидите» — запрет «не пускать»: пришедшие все равно не будут допущены. В их состав входит «учетный пес» (так Башмакова называет своего мужа счетовода, при том, что он сам себя называет «трудящимся человеком» и «трудящимся элементом» [10, т. 4 (2), с. 162]) и прочие. Евангельское «труждающиеся» заменено «служа́щими», а «обремененные», с учетом специфики охматмлада, эволюционируют в сторону ‘беременных’.

Год создания пьесы «Дураки на периферии» — 1928 — совпадает с годом написания очерка «Че-Че-О» и с периодом работы Платонова над романом «Чевенгур». Во всех трех произведениях в точном или измененном виде цитируется евангельская фраза (Мф. 11: 28). Однако названными произведениями ее значимость для Платонова не исчерпывается, она во многом формирует понятийную систему творчества писателя.

Трансформация 5. В результате отмеченных в статье трансформаций базового евангельского выражения (Мф. 11: 28) формируются следующие три константы: труд как земляные работы и, в частности, копание могил, обремененность как беременность и покой как смерть. В системе Платоно-

ва они становятся изоморфными трем последствиям грехопадения Адама и Евы — смертности человека, тяготам беременности и родов, а также необходимости трудиться на земле, чтобы добыть себе пропитание: «...от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2: 17); «Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей...» (Быт. 3: 16); «...проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей <...> в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт. 3: 17, 19). При этом тяжелый земледельческий труд напрямую увязывается с рождением и смертью. У Платонова с землей связано все: смерть — в землю; рождение, роды — от земли; мать сыра земля зачинает, хоронит и снова рождает. Мелиорация, земледельческий труд, рытье земли, колодцев и бурение земли — постоянные темы произведений писателя, распространяющиеся и на военные рассказы.

В понятийной системе Платонова Новый и Ветхий Завет и сливаются в одно целое, и существуют в отношении динамического равновесия, демонстрируя фундаментальное для писателя постоянное возвратное движение от ветхого (старого, умирающего) к новому (молодому, рождающемуся). Описанная нами в статье часть понятийной системы Платонова составляет основу произведений писателя, начиная с самых ранних.

Список литературы

Исследования

1 *Варшавский В.С.* Родословная большевизма. Paris: YMCA-Press, 1982. 209 с.

2 *Гюнтер Х.* По обе стороны от утопии: Контексты творчества А. Платонова. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 208 с.

3 *Гюнтер Х.* Пролетарский труд и чевенгурская «экономика» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 9 / отв. ред. Н.В. Корниенко; сост. М.В. Осипенко. С. 65–73.

4 *Золотоносов М.* Ложное солнце («Чевенгур» и «Котлован» в контексте советской культуры 1920-х гг.) // Андрей Платонов. Мир творчества. М.: Современный писатель, 1994. С. 246–283.

5 *Седакова О.А.* Поэтика обряда: погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. 319 с.

6 *Семенова С.Г.* Религиозно-философский контекст и подтекст «Чевенгура» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Вып. 6. С. 34–44.

Источники

7 *Болотов В.В.* Лекции по истории древней церкви / под ред. проф. А. Бриллиантова: в 4-х т. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1913. Т. 3. 352 с.
8 *Вениамин (Краснопевков-Румовский)*, архиепископ. «Новая Скрижаль», или объяснение о церкви, о литургии и о всех службах и утварях церковных: в 4-х ч. М.: Изд-во православного братства Святителя Филарета Митрополита Московского, 1999. 305 с.
9 *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Прогресс, Универс, 1994.
10 *Платонов А.* Сочинения. Научное издание / отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2004–.
11 Словарь русского языка XI–XVII вв. М.; СПб.: Нестор-История, 2015. Вып. 30. 320 с.
12 Служебник с пояснениями. [Б.м.]: Изд-е Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей, 2013. 272 с.
13 Требник в двух частях: М.: Сибирская Благозвонница, 2016. 960 с.

References

1 Varshavskii, V.S. *Rodoslovnaia bol'shevizma* [*Genealogy of Bolshevism*]. Paris, YMCA-Press, 1982. 209 p. (In Russ.)

2 Giunter, Kh. *Po obe storony ot utopii: Konteksty tvorchestva A. Platonova* [*On Both Sides of Utopia: Contexts of A. Platonov's Work*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 208 p. (In Russ.)

3 Giunter, Kh. "Proletarskii trud i chevengurskaia ʿekonomika'." ["Proletarian Labour and the Chevengur ʿEconomy'."] *"Strana filosofov" Andreia Platonova: problemy tvorchestva* [*Andrei Platonov's "Country of Philosophers": Unanswered Questions*], vol. 9, ed. N.V. Kornienko, comp. M.V. Osipenko. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 65–73. (In Russ.)

4 Zolotonosov, M. "Lozhnoie solntse (ʿChevengur' i ʿKotlovan' v kontekste sovetskoi kul'tury 1920-kh gg.)" ["False Sun (ʿChevengur' and ʿThe Foundation Pit' in the Context of Soviet Culture of the 1920s)"]. *Andrei Platonov. Mir tvorchestva* [*Andrei Platonov. The World of Creativity*]. Moscow, Sovremennyi pisatel' Publ., 1994, pp. 246–283. (In Russ.)

5 Sedakova, O.A. *Poetika obriada: pogrebal'naia obriadnost' vostochnykh i iuzhnykh slavian* [*Poetics of the Rite: Funeral Rites of the Eastern and Southern Slavs*]. Moscow, Indrik Publ., 2004. 319 p. (In Russ.)

6 Semenova, S.G. "Religiozno-filosofskii kontekst i podtekst ʿChevengura'." ["Religious and Philosophical Context and Subtext of ʿChevengur'."] *"Strana filosofov" Andreia Platonova: problemy tvorchestva* [*Andrei Platonov's "Country of Philosophers": Problems of Creative Work*], vol. 6. Moscow, IWL RAS Publ., 2005, pp. 34–44. (In Russ.)